

СНЫ

О ЧЕМ-ТО БОЛЬШЕМ

Дмитрий
БЫКОВ

У литературного человека — и сны литературные. Я со многими любимыми писателями пообщался вживую, но еще до того (иногда, впрочем, после) они успели мне присниться. И сны эти говорят об их творчестве как-то больше, чем истинное общение с ними в реальности. Потому что снится ведь, как правило, тот, кого знаешь по текстам. То есть лирический герой. Настоящее тайное «Я». Проиллюстрировать такие сны, я полагаю, удобнее всего фотопортретами работы Валерия Плотникова. Потому что он это тайное «Я» фотографирует. Проявляет и закрепляет.

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ

Юрский, собственно говоря, не писатель. Он артист. Но это, по моему, случайно получилось. Потому что его пьесы, сценарии и рассказы ничуть не уступают ролям. И эти годы, отданные театру, с его суетой, с вечной актерской зависимостью и ревностью коллег, — вряд ли он себе прощает сегодня, когда может заниматься всем, чем хочет: и чтением со сцены, и литературой, и постановкой собственных пьес, спрятанных под прозрачным псевдонимом.

Снился он мне в несколько более молодом виде, чем сейчас. В таком немного бендеровском. Говорил почему-то по-французски, но я понимал. То есть, я понимаю, почему по-французски: он как раз тогда ставил Ионеско в собственном переводе. «Стулья».

Какой-то сейшен, презентация, что ли; все пьют, закусывают. Юрский из угла тихо манит меня пальцем, я подхожу. Были мы тогда уже знакомы, делили интервью.

— Здравствуйте, — говорит он, то есть «Бонжур». — Но тише, я здесь инкогнито.

— Почему?

— Потому что я теперь француз.

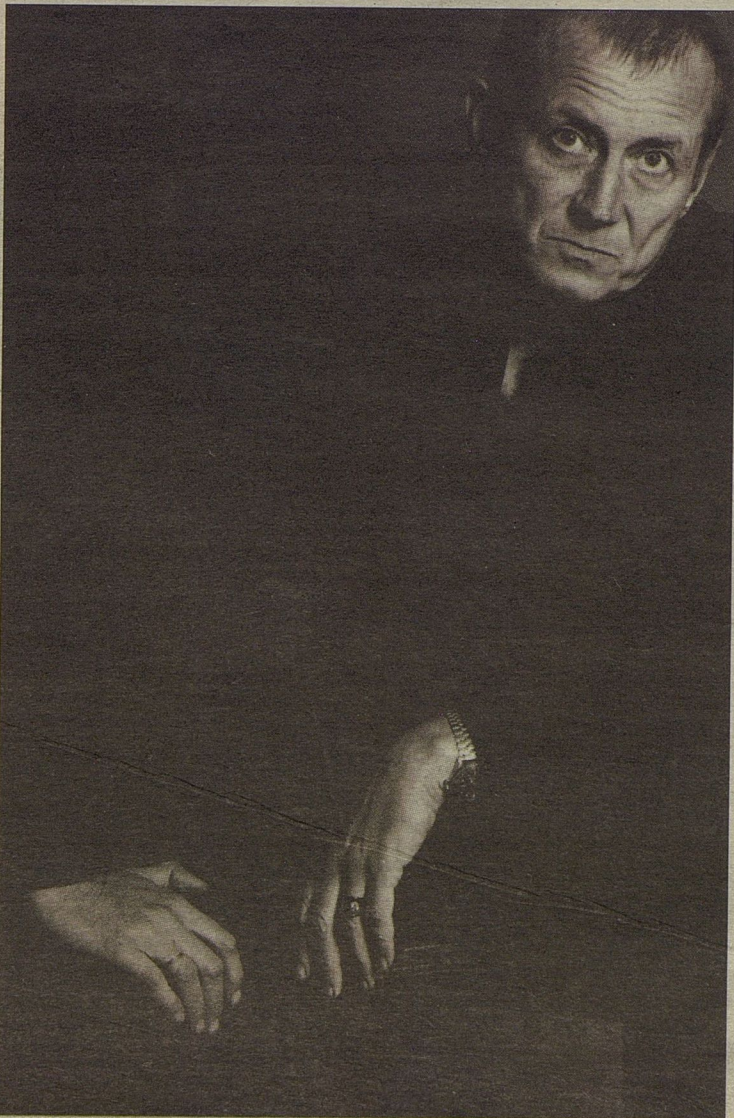
— А... разве это можно?

— Ну, конечно. Был русским, хватит, одни неприятности. Работать не давали совершенно — ни в Питере, ни в Москве. Все равно никто не верил, что русский.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Снился большой концерт с участием всех поэтов, съехавшихся на праздник. Вышел в балетной пачке толстый, бородатый московский почвенник, сплясал па-де-де и ушел. Пара ленинградских поэтов, мрачных, культурных, спела матерные частушки. В реальности они, по моему, не здороваются. Кушнер встал на стул и стал читать детское, что-то вроде «Я поведу тебя в музей». Подошла очередь Ахмадулиной. Ну, думаю, что будет! Она долго (даже для сна) говорила о том, как ленинградская публика ею любима и как город ею чувствуем — это страдальческое пристрастие к страдательным причастиям сохранялось у нее и во сне. «Я трогаема этим городом, — говорила она. — Я им баюкаема. Я им голубима». Я все ждал, когда будут стихи, и она вдруг в тягучей и музыкальной своей манере, почти не открывая рта, прочла «Песню о буревестнике». Получилось очень хорошо, Горькому наверняка бы понравилось. Овация была оглушительная.

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

Евтушенко снился раздраженным. Бродили по сибирскому поселку, он мне показывал свою Родину. Вероятно, это была станция «Зима». Все пояснения давал в какой-то злобно-снисходительной манере, — все ему, видимо, казалось, что я не так слушаю, не так задаю вопросы... Был он в джинсах и цветастой рубашке навыпуск: я обычно не запоминаю, кто во что одет, но он, видимо, даже во сне придавал этому такое значение, что это как-то передавалось и мне.

— Вот здесь лодка моего друга Пети, — показывал он на сарай, очень гордясь тем, что вот есть у него такой друг Петя, человек совершенно из простых и даже с лодкой. — Вы не слушаете! Это Петр, знаменитый местный рыбак. Это человек, который знает и умеет в тысячу раз больше вас. А вы позволяете себе так высокомерно кивать.

— Да нет, что вы, — оправдывался я, — мне очень интересно...

— Вам ничего не интересно. У вас пустые глаза. У Нижинского были такие же глаза. Вы знали Нижинского? Я знал. Он мне танцевал. В этом доме живет охотник Алексей. Вы опять ничего не слушаете! Мы с ним медведя били влет!

— Как — влет?

— Это такой местный способ. Вы не слушаете! Я все вижу, вы не любите меня!

— Евгений Александрович, — не выдерживаю я во сне, — ну зачем вам надо, чтобы все вас так любили?

— Вы ничего не можете понять! — закричал он, как на эстраде, и рядом с ним выросли Петр и Алексей. Евтушенко указал пальцем на меня, они двинулись в мою сторону — и я проснулся от страха.

Плотников Валерий 10.12.03

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Он снился дважды и в совершенно разных обликах. Впрочем, подлинными мне кажутся оба. Первое – строгий, пристрастный, резкий и мизантропический Бродский, которого я увидел во сне, находясь ближе к нему в реальности, чем когда бы то ни было. Мне случилось быть в Нью-Йорке. Он там жил. Предполагалась некая вечеринка у Вайля, на которой должен был присутствовать Бродский, – и Вайль разрешил мне напроситься в гости, чтобы одним глазком посмотреть на классика. Я не решился, зато увидел его во сне. В этом сне мы шли по берегу какого-то залива (ну как же, где Бродский, там обязательно вода!), дул резкий ветер, и нобелиат разносил мои стихи. Делал он это с наслаждением, и особенную его ярость, как сейчас помню, вызывали потуги на «человечность» и «теплоту». Он высмеивал все, что там было человеческого, и я в самом деле поражался, до чего беспомощна любая живая строчка. Безупречно было только мертвое или, по крайней мере, безличное, вроде моря, вдоль которого мы шли.

Проснулся я очень грустный и злой на Бродского. И обрадовался, что никогда ему не читал: потому что внушить себе, что он бездарь и ничего в стихах не понимает, я не смог бы даже после самого яростного разноса. А во второй раз он мне явился во сне уже гораздо позже, после смерти. Он сидел в своей ленинградской комнате, которую я представляю в основном по рассказам Плотникова: колодец из книг. Мы пили чай, он мило шутил и вообще очень по-доброму был ко мне расположен. Я позволял себе всякие невинные панибратства и много его цитировал, чтобы доказать искренность своих чувств. Правда, ничего своего я ему на этот раз читать не стал. Был уже опыт. В общем, впечатление осталось приятное. Наверное, после смерти все мы будем благодущнее.

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

Сон об Аксенове был странный, с ощущением большой внутренней близости. Будто он вернулся (тогда он еще не приезжал), ходит по Ялте, – Ялту я хорошо знал уже тогда, – ничего не узнает. Ну буквально все стало другим, еще более второсортным. После Америки не на чем взгляду отдохнуть. А я его по этой Ялте вожу и почему-то уговариваю: «Ну Василий Павлович, ну посмотрите – море-то ведь то же самое!»

Он слушает, кивает. Пропускает мимо ушей. Показывает мне на ялтинскую бухту, на дома, ступенчато спускающиеся к морю, и говорит: вот здесь было то-то и то-то, а какой ресторан, а какие девки!

— Но море-то, – повторяю я, – но море-то...

— Да какое там море! – не выдерживает он и подводит меня к самому берегу, и я смотрю вниз и что же вижу? Какой-то котлован, бетон, серые машины приезжают и уезжают, скучные люди месят цемент, кладут кирпичи... Нет никакого моря, одна перестройка.